



Е. ГЕРЦЫК

Вячеслав Иванов. Эрос <Рец. на кн.: Эрос. — СПб., 1907>

Эта маленькая книга — вещая. Она — колыбель-судьба новых веяний нашей жизни и поэзии. Ею да освятится неизбежное, то, чему суждено быть!

В этой новой лирике Вячеслава Иванова не надо искать изысканности размеров и радуги образов, которые мы привыкли видеть в его поэзии последних лет. Тесно, жадно, как в фуге, сплетаются в ней три ревнивых голоса, топча, глуша один другой — трехжалой песнью славя бога-Эроса.

Три жала зыблет в устах змеиных
Моя волшба¹.

Первый и самый мощный голос проходит через всю книгу властным заклинанием. Как некий Фауст, отягченный душевной мудростью своего «сада роз», «изобилием утомленный», поэт воззвал:

Занеси в мои услады
Запах лога и корней, —
Дух полынный, вялость прели.
Смольный дух опалых хвой,
И пустынный вопль свирели,
И Дриады шалый вой!²

Из мощи и избытка исходит жажда звериного, глубинного и возникает призыв, заклинание, ворожба. Слепая воля в жажде утоления взывает ко всем силам, кличет все имена. Магия не знает Единого, Верного. «Sivedeus, sivedea, sivemas, sivefemina» — так заклинали встарь...³ Взор неотрывно устремлен. Как в заколдованном кругу, поэт твердит все те же созвучия («В час заклятый, час Гекаты, / В полдень чарами зачатый...»⁴). Приворотным зельем

пьянит стихотворение «Три жала» и, мнится, сбудется страшное заклинание, расторгающее узы жизни и смерти:

Иль станет мрака железной рукою
Любви мольба;
Повлечет твоё тело Стримоном-рекою
Моя алчба —

В «Вызывании Вакха» поэт и лестью и обещанием заманивает его к себе; и вот, —

Облик стройный у порога...
В сердце сладость и тревога...
Нет дыханья... света нет...
Полуотрок, полуптица...
Под бровями туч зарница
Зыблет тусклый пересвет...

Чары содеяны, воплотились въяве и — распались. Поэт заводит новую песнь — жуткую земную быль о неутоленном желании, о «ночной двери». Распадаются ковы и чары природы, редее «чернолесье», «густосмолье», страшный ворожей «светлый лик приемлет человеческий⁵», — из царства демонологии мы выступаем на белый и горестный путь человека... Но тяготеет над ним рок — правая кара: — не может вочеловечиться желанная ему душа, черной магией вызванная к бытию, —

— не по-людски и не по-божьи
Уединенная душа —

И поэт «кумиротворец» скорбит над нею.

В этих новых напевах мы узнаем «человечность» музыки Вяч. Иванова, чтущей свято лик человека.

Былою белизной душа моя бела
И стелет бледно блеск безбольный
Когда пред образом благим твоим зажгла
Любовь светильник богомольный...⁶

«Человек» и «художник» бессилён над «глухонемой» душой, ибо он не хочет вязать её волю. Башня, возведенная им «высоко над мороком жизни»⁷, рушится... В гранях человеческого ему

не стать вождем «к иным поднебесьям» — к ним ведет страсто-терпный путь, путь страсти и жертвы...

Вокруг имени Диотимы-вещуньи любви, Диотимы-змеи, развязавшей «чарый хмель» поэта, и Диотимы, целящей⁸ тем же хмелем страсти и милости, возникает третья песнь и, обретая все большую силу, змеиными кольцами глушит недопетую, несбывшуюся волю... Веет веяньем религии — к Богу, зачавшему мир, обращается поэт. Эрос — «святое средоточье вселенской гибели» и познавшие его призваны «опаснее дохнуть и умереть святей»⁹.

В «темноогненном кратере» слиты и растоплены души и Бог-Растворитель, Эрос

— и зыблет лжицей
Со дня вскипающий сосуд;
И боги жадною станицей
К нему слетят и припадут¹⁰.

Ибо и боги — лишь призраки, пока Эрос-жрец не напоит их нашей кровью.

Совершается Преображение мира в Эросе. Человек — Эдип, а родившая его и приемлющая его прах земля — Иокаста: кровосмешение — вино и хлеб жизни. Все смешалось.

Я — звездный сев над лонами
Желающих низин!
И, пьян дремой бессонною,
Как будто стал я сам
Женою темнолонною
Отверстой небесам¹¹.

И то, над чем бессильны козни заклинателя и воля человека-художника, совершится в Эросе-огне: сбудется третье вещее предсказанье:

... «ты придешь, вожделя,
Даров неотвратных»¹².

«Эрос» Вяч. Иванова — религиозная книга, — в ней поведана новая и вечная мистерия любви и жертвы «всесожжения». После сожигающего огня благостно звучит голос Утешителя:

Вея шепотами утешения
Стелет ветр шумящие дожди...¹³

Это прекрасное стихотворение носит воистину гератический и соборный характер: не тайной надеждой для одного поэта звучит оно — «гул надежды», слышимый в нем обращается ко всем сердцам. Это — радуга, крутой дугой сочетавшая земную скорбь с «средоточием вселенской гибели», — это Новый Завет, заключенный между людьми и их Богом...

«Нищ и светел»¹⁴ идет дальше Вяч. Иванов — и хотя мы узнали изначальный, невинный образ поэта, но это уже «новозаветный» Вяч. Иванов, даятель «даров неотвратных».

1907

